

Государственный комитет
судебных экспертиз Республики Беларусь

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ
И СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИИ**

*Материалы международной
научно-практической конференции*

Минск, 10-11 декабря 2015 г.

Минск
«Право и экономика»
2015

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета

Швед А. И. – Председатель Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, генерал-майор юстиции, канд. юрид. наук, доцент

Овсиюк Ю. А. – заместитель Председателя Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, Главный государственный судебно-медицинский эксперт Республики Беларусь

Остянко Ю. И. – начальник главного управления судебно-психиатрических экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, канд. мед. наук

Редакционная коллегия:

Председатель редколлегии

Крицкая С. В. – начальник государственного учреждения «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»

Заместитель председателя редколлегии

Остянко Ю. И. – начальник главного управления судебно-психиатрических экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, канд. мед. наук

Члены редколлегии:

Кирдун А. А., канд. филол. наук (отв. секретарь); Балашов А. Д., канд. мед. наук; Белянко А. П.; Гелда А. П., канд. мед. наук; Голубович В. В., канд. мед. наук; Жаранков К. С., канд. мед. наук; Евтухович Е. Д.; Занимон Т. О.; Кринчик Т. Ю., канд. мед. наук; Лапицкий Г. А.; Мун Л. Е.; Островская Т. М.; Семенов В. Н.; Силивончик И. А. (отв. за выпуск сборника)

А43 **Актуальные вопросы судебной психиатрии и судебной психологии: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 10–11 дек. 2015 г. / ред. совет: А. И. Швед [и др.]; Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2015. – 129 с. ISBN 978-985-552-482-4.**

Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы судебной психиатрии и судебной психологии» проводилась на базе Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

В работе конференции приняли участие ученые и практические работники судебно-экспертных и образовательных учреждений Республики Беларусь, Израиля, Литвы, Российской Федерации.

В рамках заседаний были обсуждены организационно-методические и правовые вопросы производства судебно-психиатрических, судебно-психологических и судебно-психофизиологических экспертиз, а также современное состояние и актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности.

Материалы конференции, представленные в сборнике, предназначены для экспертов, научных сотрудников, работников правоохранительных органов, а также преподавателей, аспирантов, соискателей.

УДК 340/6
ББК 67.5

Психологические особенности личности террориста

Гатальская Г. В.

Терроризм в том или ином виде существовал во все времена. Однако, в последние годы значительно выросла террористическая активность, что не может не вызывать обеспокоенность мирового сообщества. Это наносит огромный материальный и человеческий ущерб целому ряду стран, среди которых Северная Ирландия, США, Россия, Пакистан, Турция, Япония, Аргентина, Индия, Израиль, Египет, Сирия и др.

Процессы глобализации способствовали увеличению технических и финансовых возможностей терроризма, расширили его социальную базу. Компьютерные технологии сделали терроризм менее предсказуемым и более опасным. Терроризм получил распространение на всех континентах, в разных странах, но в большей степени в тех странах, которые вовлечены в глобальные и региональные конфликты [1, с. 254]. Кроме социальных, культурных, религиозных факторов террористическая активность определяется *личностными факторами*.

Исследования личностных особенностей террористов активно развернулись в 80-х гг. 20 в. Они опирались на теорию позитивизма, согласно которой поведение террориста формируется под влиянием генетических и средовых факторов или их комбинации. По результатам исследования, проведенного в ФРГ (1981), на основе выборочной совокупности из 227 немецких террористов были выделены два основных психологических типа террористов. Первый – экстровертированный, нестабильный, свободный от комплексов, эгоцентричный, недалководидный, неэмоциональный. Второй – интровертированный, враждебный, не приемлющий критику, не толерантный, подозрительный, агрессивный [2, с. 59].

Немецкий исследователь Боллингер отмечал, что для части опрошенных им террористов насилие являлось привлекательным. По его мнению, это обусловлено бессознательной агрессивной мотивацией. Террористическое поведение представляет собой клапан для выхода архаичных агрессивных эмоций [3, с. 388]. С точки зрения Боллингера, оно берет свое начало в конфликтах с отцами/отчимами в подростковом возрасте. Привлекательность терроризма может также объясняться идентификацией с насильственными действиями отцовских фигур или идентификацией с агрессором [2, с. 62]. Однако Ягер утверждает, что некоторые обследованные им террористы проявляли сильное отвращение к агрессии, у них было сформировано чувство границ дозволенного. Они испытывали впоследствии необходимость оправдывать свое поведение.

Ряд исследователей (Суллволд, Креншоу и др.) связывали психологические особенности личности террориста с нарциссизмом: эмотивный дефицит личности нарцисса делает его слепым перед лицом негативных последствий его действий [4, с. 129].

По мнению Поста, многим террористам свойственна тенденция экстернализировать, искать вне себя причины собственной неадекватности. Отделяя от себя негативные качества, они проецируют их на своих жертв [5, с. 245].

Ирландский исследователь Хэскин утверждал, что такие организационные структуры, как полиция и террористические группировки, привлекают определенный тип личности.

Он основывался на том, что субъекты, наделенные властью, более агрессивны в отличие от представителей аутгрупп. Этот факт помогает понять мотивы привлекательности терроризма для определенного типа людей [2, с. 76]. Однако гипотеза Хэскина не была подтверждена последующими эмпирическими исследованиями.

Фридланд (1992), анализируя различные исследования проблемы терроризма, пришел к выводу, что склонность к терроризму можно объяснить насилием, пережитым в детстве [6, с. 82].

По мнению Морфа, главную роль в возникновении склонности к терроризму играет отречение от отца и от родительских ценностей [2, с.80].

Франк отмечал, что терроризм появляется в социуме как ответ на идею этнической «чистки».

90-е гг. 20 в. ознаменовались возвращением тенденции, берущей начало от Ломброзо, к объяснению склонности к терроризму девиациями (психическими нарушениями). Фридланд подвергает критике эту тенденцию и другие теории, исследования в рамках которых не получили эмпирического подтверждения. Например, многие в подростковом возрасте отвергают родительские ценности, но совсем немногие из них становятся террористами.

Анализируя психологические исследования личностных особенностей террористов, можно выделить три основных направления интерпретаций: фрустрационную, нарциссическую и психодинамическую.

Фрустрационная интерпретация. Фридланд рассматривает психологические характеристики террориста, опираясь на факторы, подталкивающие индивида к вступлению в движение, целью которого являются социальные изменения. Важно понять, как и почему такие движения начинают применять насилие, и почему таковое насилие приобретает все более интенсивный характер. Таким образом, терроризм Фридланд рассматривает как протестное движение групп меньшинств, включенных в социально-политический конфликт, с последующим переходом к насилию, которое считается ответом на неблагоприятное положение в обществе (реальное или воображаемое). Агрессивный ответ возникает в силу того, что общество их не «слышит». Эта модель была взята за основу и другими исследователями. По мнению Титтмара, терроризм может быть объяснен с помощью психологической интерпретации агрессивности Берковица как ответ на невозможность достижения личной или социальной цели. Это может спровоцировать либо агрессивную реакцию, либо защитную реакцию физического или психологического «бегства» (игнорирования проблемы или ее преуменьшения посредством механизма когнитивного диссонанса) [7, с. 64]. Однако он не учитывал тот факт, что очень много людей не прибегают к террористической деятельности, будучи фрустрированными.

Ферракути, критикуя данный подход, указывал на то, что он в большей степени подходит для объяснения индивидуального насилия, не имеющего социального контекста, как в случае терроризма [8, с. 267]. Мерари и Фридланд утверждали, что фрустрация может становиться фактором социальной дестабилизации, но не обязательно террористической активности [6, с. 94].

Гурр на основе фрустрационного подхода («фрустрация-агрессия») вывел гипотезу депривации социальных отношений. Но и она имеет ограничения в объяснении феномена терроризма. Кампф на основе этой гипотезы объяснял притягательность идей терроризма для депривированной категории индивидуумов, в особенности для интеллектуалов и состоятельных людей данной группы, стремящихся изменить общество, в основе которого лежат фрустрирующие условия и конфликтный климат [2, с. 82].

Вышеописанный подход не устанавливает в полной мере личностные факторы терроризма, но объясняет поведение определенного типа террористов, вышедших, главным образом, из неимущих (маргинальных) слоев общества.

Нарциссическая интерпретация терроризма («нарциссизм-агрессия») берет свое начало в немецких исследованиях 80-х гг. Под нарциссизмом, с одной стороны, понимается совокупность ценностей, побуждений, моделей поведения, внутренне связанных с «Я». С другой стороны, нарциссизм рассматривается как способ выстраивания отношений с внешним миром, зависящий от способности последнего предоставлять субъекту достаточную поддержку «Я», а также соответствующее удовлетворение «Я». И, с третьей стороны, нарциссизм определяется как инструмент, позволяющий индивидууму регулировать свой интрапсихический мир, защищая себя от страданий и зла. Перлштайн считал, что нарциссическая интерпретация является достойным продолжением фрустрационной. Определенные внешние факторы, являющиеся источниками политического терроризма, влияют на формирование характера, становясь причиной так называемой нарциссической травмы или нарциссического разочарования. У 90% политических террористов нарциссическое разочарование сыграло решающую психобиографическую роль [9, с. 136].

На *психодинамическую интерпретацию* проблемы терроризма опирался Келлен, изучая случай Ханса-Йехима Кляйна – террориста из ФРГ. В результате он пришел к выводу, что воюя с властями, Кляйн бессознательно «боролся со своим отцом». Анализируя ситуацию детства других террористов, Келлен отмечает, что они описывали своих отцов как жестоких и властных [10, с. 30].

Пост и Каплан, опираясь на психодинамический подход, утверждают, что террористическая мотивация коррелирует с желанием принадлежать к какой-либо группе (в данном случае – к террористической). Группа играет большую роль в формировании террористической идентичности.

Стремясь ответить на вопрос: являются ли террористы психически нормальными, немецкие психиатры Морф и Раш отмечают, что им не удалось выявить никаких признаков паранойи, психопатии и других психических расстройств или неврологических нарушений. Мак-Койли на основе проведенных исследований утверждает, что уровень диагностируемых патологий по выборочной совокупности террористов не имеет значимых отличий от данных, полученных по контрольной группе такого же возраста и социального происхождения [11, с. 103].

Психиатры Лайенс и Харбинтон провели сравнительный анализ двух репрезентативных выборок по критерию психического здоровья (сравнивали группу из 47 политических убийц с группой из 59 неполитических убийц Северной Ирландии). Они пришли к выводам, что политически мотивированные убийцы в сравнении с обычными происходят из более благополучных семей, у них выше уровень интеллекта, более высокий уровень образованности, ниже уровень психических патологий [2, с. 56].

Стремление к террористической деятельности Ферракути связывал с принятием интенции к насилию и смерти. Обследовав «левых» и «правых» итальянских террористов, он утверждал, что они редко подвержены тяжелым личностным нарушениям. Для них характерны высокий уровень стрессоустойчивости, самоорганизации, групповой сплоченности, поддержки друг друга.

Келлен, опираясь на исследования Ферракутти, отмечает, что даже при отсутствии психических патологий у террористов, им присущи экстремизм и властность. Для них характерен низкий уровень способности к пониманию, эмотивный разрыв между действиями и их последствиями, деструктивность и склонность к принятию без критики ценностей насилия [10, с. 45].

Вопрос двойственности определения нормальности/ненормальности террористов остается открытым. Ферракути их считает нормальными, но другими. Он отмечает, что часто в террористические группировки привлекают людей с теми или другими психическими девиациями, однако «нормальный» террорист – психически здоров [8, с. 207]. Это доказали

результаты исследования Джил, Хорган и Декерт (2012) по выборке 119 террористов-одиночек. 31,9% террористов в анамнезе имели психические заболевания, но при этом диагноз был поставлен до их становления террористами [12, с. 427].

Таким образом, мы видим, что существуют определенные сложности в установлении личностных особенностей террористов. Большинство авторов сходится в том, что даже если бы можно было выделить конкретные черты личности террориста, то нельзя было бы создать теорию на этой основе, так как это означало бы, что любой человек с таким набором характеристик должен был бы стать террористом [2, с. 67].

Попытку выделить основные характеристики террористов предпринял Мерари (2010). Выборочную совокупность составили 15 камикадзе, которым не удалось довести террористический акт до конца, и 14 рекрутеров. Сравнение осуществлялось с контрольной группой, состоящей из 12 человек, обвиненных в других видах террористической деятельности. В результате было выявлено, что в группе камикадзе было больше людей с высшим образованием, в сравнении с контрольной группой они происходили из более благополучных семей и уровень их религиозности был выше. Большая часть камикадзе раньше не совершали никаких насильственных действий. По сравнению с контрольной группой и группой рекрутеров камикадзе проявляли более высокий уровень зависимости, склонности к суициду и депрессивности. Рекрутеры были старше по возрасту в сравнении с камикадзе и контрольной группой.

Нельзя однозначно интерпретировать результаты по показателям депрессивности и склонности к суициду камикадзе. Неясно, склонность к суициду и депрессивности определили выбор становления камикадзе или их высокий уровень – это результат неудавшегося террористического акта.

Были также установлены особенности рекрутинга террористов и подготовки террористического акта. Время, которое уходило на рекрутинг и последующее внедрение террориста, составляло около 40 дней. Запись на видео камикадзе делалась за 24 часа до террористического акта. Камикадзе в день самого террористического акта проявлял конфликтность и другие признаки психологического дискомфорта. Рекрутеры осуществляли подготовку будущих камикадзе по одному (не в группе). Фундаментальной функцией видеообращения было усиление решимости и продвижение дела [13, с. 176].

Первыми попытались нарисовать психологический портрет террориста Рассел и Миллер (1977). В то время он имел следующий вид: одинокий мужчина 22–24 лет с высшим гуманитарным образованием из состоятельной семьи, попавший в террористическую группировку в университете. В результате ряда исследований последних лет (1200 террористов Ирландской национальной освободительной организации (2013), 917 членов организации Лашкар-э-Тойба (2013), 171 члена Аль-Каида (2013)) удалось в определенной степени уточнить, что представляют собой современные террористы. 95% из них составляют мужчины, 57% – моложе 30 лет на момент совершения террористического акта. 54% террористических актов Аль-Каида были совершены гражданами США из 26 штатов. 36% из них были совершены людьми, родившимися в США. Половина террористов (52%) учились в университетах, четверть из них (23%) имели высшее и постдипломное образование, 44% работали на момент террористического акта, 28% были безработными. 24% террористических актов Аль-Каида были совершены людьми христианской веры, принявшими ислам [2, с. 69].

На основе анализа всех проведенных исследований можно сделать следующие выводы. Природа терроризма отличается большим разнообразием и зависит, с одной стороны, от культурных, национальных, религиозных факторов, специфики террористических группировок, с другой – от психологических характеристик, мотивов террористов внутри каждой группировки.

На сегодняшний день недостаточно проведено исследований, чтобы выстроить строгие закономерности, описывающие индивидуальные особенности террористов и мотивы их поведения. В дальнейшем, проводя исследования в этой области, нужно учитывать те трудности и ограничения, с которыми уже пришлось столкнуться на предыдущем этапе. Результативность изучения этих проблем мог бы повысить мультидисциплинарный подход. В будущих исследованиях необходимо уделять внимание как демографическим, психологическим характеристикам террористов, так и поведенческому анализу, поскольку это может помочь оперативно выявлять и в большей степени контролировать терроризм.

Литература

1. Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: материалы Междунар. конф., 29–30 мая 2008 г. : в 2 т. / под ред. В. В. Гриценко. – Смоленск : Универсум, 2008. – Т.2. – 424 с.
2. Horgan, J. Psicologia del terrorismo / J. Horgan. – Milano : Edra, 2015. – 194 p.
3. Bollinger, L. Terrorist Conduct as a Result of a Psychosocial Process / L. Bollinger // Psychiatry the State of the Art. – 1985. – Vol. 6. – P. 387–389.
4. Креншоу, М. Организационный подход к анализу политического терроризма / М. Креншоу // Обществ. науки за рубежом. Сер. 4, Государство и право: РЖ. – 1987. – № 3. – С. 128–133.
5. Post, J. M. Group and Organisational Dynamics of Political Terrorism: Implications for Counterterrorist Policy. / J. M. Post. – Aberdeen : Aberdeen University Press, 1987. – 308 p.
6. Friedland, N. Becoming a Terrorist: Social and Individual Antecedents / N. Friedland // Terrorism: Roots, Impacts, Responses. – New York : Praeger, 1992. – 234 p.
7. Tittmar, H. G. Urban terrorism: A psychological interpretation / H. G. Tittmar // Terrorism and Political Violence. – 1992. – Vol. 4. – P. 64–71.
8. Ferracuti, F. Aspetti Socio-Psichiatrici del Terrorismo / F. Ferracuti. – Milano : Giuffrè, 1987. – 310 p.
9. Pearlstein, R. M. The Mind of the Political Terrorist / R. M. Pearlstein. – Scholarly Resources Inc., U. S., 1991. – 347 p.
10. Kellen, K. Terrorists-what are they like? : How some terrorists describe their world and actions / K. Kellen. – Aberdeen: Aberdeen University Press, 1987. – 67 p.
11. McCauley, C. Terrorism Research and Public Policy / C. McCauley. – London : Routledge, 1991. – 172 p.
12. Gill, P. Bombing Alone: Tracing the Motivations and Antecedent Behaviors of Lone-Actor Terrorists / P. Gill, J. Horgan, P. Deckert // Journal of Forensic Sciences. – 2014. – Vol. 59. – P. 425–435.
13. Merari, A. Driven to Death. Psychological and Social Aspects of Suicide Terrorism / A. Merari. – Oxford : Oxford Press, 2010. – 328 p.